РЕКА — ПРЕДПОЛАГАЕТ отражение, пар, рыбу, уключину, гальку, остров и катер. Они родственны реке, равно как и другой берег, на котором может быть все, что угодно.

Река — не предполагает волка, волк чужд реке и приходит к ней из сна.

Он выходит из-за сырого дачного дома, дорогу к которому уже отыскать невозможно, и идет из рассказа в рассказ, ускользающий как мираж, нигде не желанный. Он проходит мимо героев, занятых своими трудными душами, своими трудными днями.

Может быть, это один и тот же волк, может быть, он не волк вообще.

А Емельян Марков сидит за столом, ему знакомы и волки, и заросли, и длинные подземные переходы, и лопата, и разница четырех времен дня. Он как будто только вернулся из таинственного путешествия, где узнал то, чего не знают другие. Он разделяет мир для своих персонажей на «тогда» и «теперь», эти два измерения находятся неподалеку друг от друга, они видимы, но возвращение невозможно. Считают то в рублях и копейках, то в тысячах. Кто-то крадет лодку, а кто-то поджигает дом, чтобы получить страховку. В один миг пространство кажется заполненным счастьем до невозможности в доха, а в следующий — каждый дом навстречу, каждая очередь непонятно за чем, полны отчаяния.

Если разделять их по профессиям, этих персонажей, выходит, что все они: студенты, художники, сыновья художников, нищие, учителя и руководители кружков судомоделирования, редакторы или заместители редакторов. Кто-то еще медик, а кто-то метет церковный двор.

Если разделять их по именам, выходит, что их называют: дядя Коля, Гена, Кафтанов, Андрей и Юра, Толя Макаров, Михал Ляксеич, то есть Огоньков. Одни герои носят свои имена, как неудобные бумажные платья, скидывают их при первом случае; другие разжигают свои, как костры на берегу реки, и, повторяя их, недоуменные, относятся рекой куда-то прочь. Емельян Марков отделил своих героев друг от друга границами имен; и некоторые персонажи очерчены ясно, некоторые стремятся стать кемто другим и имя на них не держится.

Они пришли в книгу с улиц, из подвалов, с тихих писательских дач, они оставили свои песочницы, длинные садовые участки, лодки, училища, велосипеды. Они пришли со своим языком, все они стали равны друг другу в том тревожном воздухе, который воссоздает и рисует Марков, но они не забыли свой язык, свои секретные ключи принадлежности к особенным, засообществам. Емельян Марков крытым переводит их души в диалог, диалоги нетороп-

Они говорят серьезно и несентиментально.

в выдуманном мире? — А вот это уже глупо, царь. Все живут в выдуманном мире.

«— А тебя не беспокоит, что вдруг ты живешь

ливые, извилистые, если запоминаются, то на-

— Да, это глупо. И какая у тебя цель в жиз-

ни? Мировая революция? Ха-ха. Ну да. Но есть и более конкретные цели. Например, мое обучение в институте со-

вершенно бессмысленно, но зато по окончании

его я брошу гранату в Макдоналдс.

— Я надеюсь, ночью?»

крепко.

Текст Емельяна Маркова не существует без

невыносим. «...Ни тебе робких прикосновений,

маяков, без условных знаков места и времени. А время между восьмидесятыми и девяностыми было опасное и яркое. И девяносто девятый год

тоже был. Никто друг другу не был равен. Порой Емельян Марков бывает совершенно когда слово разламывает поверхность вещей, часто превышает некий допустимый предел. Хотя читательское сердце может выдержать больше, чем кажется, оно сильное и жаждет, чтобы кто-то унес его в бездну. Когда Марков говорит о мудрых бизнесменах, бывших редакторах и евроремонте, прорывов не бывает. Он забирает нас в бездну, когда начинает говорить о людях неустроенных, не умеющих как следует врасти в жизнь, о тех художниках, которые записывают свои старые картины, и о тех бездельниках, которые каждую свою минуту живут в красоте, такой сильной, что от нее даже умереть невозможно. Они чувствуют, что жизнь построена не на том,

ни тебе обрывчатых признаний — все сразу, все разом». В тексте, как и в деревне, бывает, что все

становится прозрачным и ясным. И количество

лирических открытий, совершенных мгновений,

настоящее, будет ли что-то еще или ничего больше не будет. Волки купаются в Волге, — говорит мальчик сквозь сон, волки подходят совсем близко, и река течет из рассказа в рассказ. В последней повести она разливается, умывает лодки, несет стылую рыбу и забирает все в свои рукава. Всех мальчиков, художников, военных стариков,

чтобы всем было друг с другом хорошо, они мо-

гут быть опрятные или опустившиеся, они внут-

ренне неуютны. Совсем неясно, было ли что-то

их жен, учителей, и контролеров, и зайцев, и тех, кому билет не нужен, потому что все уже кончилось. Мы дочитали.